

**МОРДКОВИЧ В.Г. “ОСНОВЫ БИОГЕОГРАФИИ”.
М. : Т-ВО НАУЧ. ИЗДАНИЙ КМК, 2005. 236 С.**

© 2007 г. А. И. Кафанов

Институт биологии моря ДВО РАН
690041 Владивосток, ул. Пальчевского, 17
E-mail: kafanov@mail.primorye.ru;
Поступила в редакцию 16. 01. 2006 г.

Объемистая книжная полка учебников и руководств по биогеографии пополнилась изданной удивительным для нынешних реалий тиражом в 2000 экз. книгой энтомолога-колеоптеролога, заведующего Сибирским зоологическим музеем Института систематики и экологии животных СО РАН, докт. биол. наук профессор Вячеслава Генриховича Мордковича. В пространной аннотации монография характеризуется как “...наиболее полное руководство на русском языке, сочетающее доступность в изложении и основательность в подаче материала, в 21 главе, объединенных в 6 блоков, соответствующих главным направлениям биогеографии. Ее фундаментальные положения даны в сочетании с нетрадиционным и новыми подходами структурного и семантического плана. Изложены предмет, задачи, история, теоретические позиции и проблемы биогеографии. Впервые сведены в иерархическую систему географические свойства жизни и экологические особенности структурной организации земной поверхности (геоэкография), предопределяющие характер распространения биоты. Критически анализируются принципы ареалогии и районирования флор и фаун. Обоснована оригинальная компромиссная схема биогеографического районирования, учитывающая в равной мере биологические и географические, зоологические и ботанические параметры. Вводится понятие биотогенеза, дается анализ его движущих сил и механизмов. Охарактеризована специфика экологической и островной биогеографии. Руководство избавлено от ставших модными в последнее время попыток превратить биогеографию в придаток экологии, биологии, географии или охраны природы и представляет ее как отдельное научное направление, имеющее самостоятельный статус и равные права с другими”.

Столь многообещающая интродукция прямо-таки заставляет хотя бы вкратце остановиться на критическом анализе монографии В.Г. Мордковича. Не буду говорить о ее достоинствах, среди которых специалист вряд ли обнаружит нечто особенно новое, но более подробно остановлюсь на том, удалось ли автору достичь заявленных целей. Это особенно важно еще и потому, что Ре-

дакционно-издательским советом Новосибирского государственного педагогического университета книга *утверждена* (именно утверждена, а не рекомендована! если не оговорено особо, все выделенные далее курсивом части текста принадлежат мне. – **А.К.**) в качестве учебного пособия (очевидно, для студентов биологических специальностей, что следует хотя бы из того, что среди трех рецензентов нет ни одного профессионального географа). Остается только радоваться, что это решение, к счастью, не имеет никакой обязательной силы.

“Старинная латинская мудрость гласит, что всякое знание начинается с названия. Название – *биогеография* (выделено автором. – **А.К.**) – свидетельствует о дуалистичности этой науки, которая совмещает в себе биологические и географические аспекты. Она сосредоточена на такой важной стороне жизни, как необходимость пространства для ее проявления. При этом внимание биогеографии к биологической и географической составляющим своей сущности в очень высокой степени сбалансировано. Начинается биогеография с хорошего знания живых объектов” (с. 6). Это заключение можно было бы понимать так, что “общая биогеография” – это междисциплинарный комплекс наук, изучающих географические, биологические и геологические особенности распределения жизни и живого в пространстве и во времени. Справедливость однако требует заметить, что пространство является необходимым атрибутом проявления не только жизни, но и всех явлений материального мира.

Всегда следует помнить, что биогеография в общем смысле оперирует двумя классами принципиально различных объектов. В одном случае, это – геокомплексы, биохоры Э. Геккеля, группы территорий (акваторий) со сходным населением, во втором – биокомплексы, группы таксонов или биоценозов со сходным географическим распространением. В соответствии с этим зоогеографию (начиная с Ж. Бюффона и Э. Циммерманна) и фитогеографию (начиная со Й. Скоу и А. Декандолля) подразделяют соответственно на биологическую (зоологическую, ботаническую) географию

и географическую биологию (зоологию, ботанику). Таким образом, общая биогеография четко подразделяется на равноценные и равнозначимые географическое и биологическое направления. Изначально развивалось географическое направление биогеографии как часть сравнительного землеописания, и со времен А. Гумбольдта, К. Риттера и Э. Реклю биогеография, наряду с геоморфологией, климатологией и почвоведением, рассматривается как составная часть физической географии. Именно так понимается биогеография и в рецензируемом руководстве (многочисленные *декларации* автора о равноценности биологической и географической составляющих биогеографии не стоит принимать во внимание). Это вполне подтверждается следующими соображениями.

Единоличным основателем биогеографии В.Г. Мордкович считает А. Гумбольдта (с. 9), одного из создателей ландшафтно-биологического направления в биогеографии. Путеводной нитью через всю книгу проходит первостепенная значимость “геоэкографии” – “описания планировки жизненного пространства” (с. 44) – совершенно излишнего понятия, полностью совпадающего с понятием “физическая география”. “...Все отрасли биогеографии роднит *главное*: все они изучают живые системы любого уровня организации с единых хорологических позиций, с помощью *сравнительно-географического метода*...” (с. 22).

Наконец, проще всего убедиться в том, что рецензируемая книга является очередным, отнюдь не лучшим, руководством именно по ландшафтно-биологической биогеографии, можно при описании “компромиссной схемы биогеографического районирования”. Вопреки декларируемому заявлению о том, что “биогеографическое районирование – это выделение не территорий, как это часто понимают, а фаун, флор, биот, т.е. совокупностей видов животных, растений и других организмов на основании их территориального размещения...” (с. 149), выделение предлагаемых категорий биогеографического районирования – уний, империй, доминионов, протекторатов, провинций, номов и феодов – проводится исключительно на физико-географических признаках. Унии – это “территории с определенным уровнем и ритмом инсоляции” (с. 148), “протектораты ориентированы на терри- и акватории конкретных стоково-водосборных бассейнов” (с. 150), номы – “общности биоты..., ориентированные на климатические элементы геоэкографии”, феоды – “общности биоты..., соответствующие геохимическим элементам геоэкографии” (с. 151). Империи “обусловлены зеркально обратными ритмами экологических режимов в Южном и Северном полушариях Земли”(с. 149), доминионы – границами кратонов, провинции – “неоднородностью рельефа в рамках любого стоково-водосборного бассейна” (с. 150). Географический базис “компромисс-

ной схемы биогеографического районирования” ярко иллюстрируют схемы биогеографического районирования на рис. 70 и 71: здесь на стандартные физико-географические карты Земли попросту нанесены границы основных климатических зон и кратонов, причем границы “сухопутных номов равнинных провинций” на рис. 71 полностью совпадают с изоплетами разницы осадков и испаряемости.

Таким образом, в методологическом отношении рецензируемая книга не содержит ровно ничего нового: это – частная точка зрения биолога, “открывающего” для себя основы ландшафтно-биологической биогеографии как части физической географии. Флоро-фаунистическая теория биогеографии, по В.Г. Мордковичу (с. 28), опирается на “необходимость предварительного ограничения территории для описания, сравнения, типологизации ареалов, анализа флор, фаун, требует системного анализа инфраструктуры географической арены”. Поэтому вряд ли можно считать, что “руководство избавлено от ставших модными в последнее время попыток превратить биогеографию в придаток экологии, биологии, географии или охраны природы и представляет ее как отдельное научное направление, имеющее самостоятельный статус и равные права с другими” (аннотация). Биогеография по В.Г. Мордковичу – это не что иное, как часть физической географии.

Остановлюсь на некоторых “откровениях” рецензируемой книги, что необходимо еще и потому, что она крайне скупо касается разрабатываемых биологами проблем биотической биогеографии (это, впрочем, закономерно, поскольку, якобы критикуя представления Ю.И. Чернова на с. 32, автор, например, путает понятия “биота” и “биоценоз”).

В разделе 1.4. дана краткая характеристика четырех теоретических направлений биогеографии: дисперсионной биогеографии, флористико-фаунистической биогеографии, теории викарианса (мобилизма) и теории динамического равновесия Мак-Артура и Уилсона. При этом неожиданно заключается, что “императивом дисперсионной биогеографии является убеждение, что биогеографическую картину организмы формируют случайным образом, оперируя лишь собственными возможностями расселения, при пассивной роли среды” (с. 16). Большинство биогеографов как биологического, так и географического направления, напротив, убеждены, что основа дисперсионной биогеографии – представление о существовании единого центра формирования таксона, откуда происходит дисперсия его представителей под контролем условий внешней среды. И уж совсем невероятно то, что флористико-фаунистическое направление “*в противовес предыдущему*...” акцентирует внимание на формировании ограниченного набора очагов жизни, четко ориентированных в географическом пространстве” (с. 17). Весьма оригинальной является трактовка и основ викариантной

биогеографии, причем автор “забывает” о том, что ее краеугольным камнем служат представления Д. Роза об исходно космополитном распространении видов, отрицающем возможность существования центров происхождения таксонов.

Поскольку автор цитирует некоторые мои работы, не могу не высказаться и относительно обсуждаемой в разделе 2.4 “проблемы полифактурности географической арены”. Снисходительно журя морских биогеографов за отстаиваемые ими “специфические позиции” – «...”средовые биогеографии” имеют право лишь на условную автономию, исходя из конъюнктурных соображений. У них разные приемы работы, разные приборы для учета организмов, разные транспортные средства. В морской биогеографии очень нуждается рыбный промысел, а остальные разделы ему нужны, как слепому – лорнет» (с. 31), – В.Г. Мордкович явно забывает, что никто из морских биологов никогда не отрицал единства географических проявлений жизни на Земле и не дистанцировал морскую биогеографию от биогеографии “сухопутной”, хотя именно морскими биологами разработан ряд важнейших общебиологических понятий (биоценоз, продукция, биомасса, трофические уровни). Морскому биогеографу волей-неволей приходится учитывать специфику географического проявления жизни в водной среде, где в отличие от суши, существует хотя бы планктон, обеспечивающий существование немислимой в воздушной среде жизненной формы седентарных животных. Однако, специфические позиции занимает как раз “сухопутный” биогеограф В.Г. Мордкович хотя бы потому, что предлагаемая им система единиц биогеографического районирования вряд ли может быть использована в морской биогеографии.

Мне вынужденно приходится ограничиться здесь перечнем отдельных недочетов, неясностей и откровенных ошибок рецензируемой книги. Иначе пришлось бы превысить все разумные пределы объема рецензии. Кратко остановлюсь еще лишь на “новых подходах семантического плана”.

Наиболее ярко они проявляются в гл. 13 “Иерархический порядок и компромиссная схема биогеографического районирования”. Сетуя на то, что многие биогеографические понятия и термины (например, Палеарктика, Неарктика и др.) “семантически абсурдны”, автор как-то забывает, что одним из признаков научного знания является его преемственность, опирающаяся на научные традиции, в том числе и на принцип приоритета названий. Стыдно объяснять это специалисту-энтомологу, ежедневно оперирующему десятками латинских названий животных, совершенно нелепых в переводе на русский язык

Опираясь на то, что традиционно используемые наименования категорий биогеографического районирования (например, “область”, с. 147) не несут “биологического содержания”, и для того, чтобы “...отличать биогеографические выделы (это

понятие ландшафтоведения. – А.К.) от созвучных геологических, географических, геополитических категорий, одновременно подсказывая их территориальное соответствие” (с. 149), В.Г. Мордкович, чрезвычайно щедрый на бесплодное терминотворчество, смело предлагает радикально новую “иерархическую” систему категорий биогеографического районирования, последовательно включающую понятия уний, империй, доминионов, протекторатов, провинций, номов и феодалов. В большей мере они несут “биологическое содержание” и не используются ли также в политологии и политической географии? Для названий доминионов предлагаются “семантически безупречные” Лавредом, Евродом, Афридом, Сибирдом, Китайдом, Индидом, Пацифдом, Наскадом, Австралдом, Антардом (рука так и тянется продолжить этот перечень еще и... Дурдомом, что наверняка сделают за меня студенты). Как насчет “иерархии биогеографических модулей”, если “...в пределах одного и того же кратона могут размещаться несколько доминионов, принадлежащих разным империям” (с. 150)?

Резюмируя даже только то, что отмечено выше, совершенно понятно, что рецензируемая книга никак не может претендовать на роль учебного пособия, даже для Новосибирского государственного педагогического университета (ни в коей мере не желаю “унизить” статус этого уважаемого учреждения). Вместо того, чтобы предложить студентам последовательное и грамотное изложение основ географического или биологического (хотя бы одного из них) направления биогеографии, им, судя по сопровождающим каждую главу “Вопросам для самопроверки”, рекомендуется (даже не рекомендуется, а обязывается!) разбираться в методологически и логически ошибочных конструкциях автора и в том, что выражает, например, “Хлоридный феодал Аридного нома Прикаспийской низменной провинции Евроакчагыльского протектората Евродома Бореомедиальной империи”.

“Основы биогеографии” В.Г. Мордковича ни в коей мере не могут служить «...мостом через методологическое “ущелье”, разделяющее образовательные парадигмы биологических и географических специализаций» (с. 4); эти парадигмы автор не раскрывает. Впрочем, справочный аппарат книги вызывает слишком много нареканий (многие цитированные в тексте работы отсутствуют в списке литературы или неверно датированы; далеко не все фактические данные сопровождаются соответствующими источниками), поэтому она вряд ли будет полезна и специалистам. Остается лишь сожалеть, что знаменитое “чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя” В.К. Тредиаковского, поставленное В.Г. Мордковичем эпиграфом к части 1 рецензируемой монографии, не стоит эпиграфом ко всей книге.